

ТАИСИЯ Я. ГРИНФЕЛЬД
Ленинград

ТАУТАСДЗИЕСМА

ЛАТЫШСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Публикацией настоящей монографии открываем цикл аналитических работ, посвященных жанрам латвийского народного творчества. Эти работы, согласно программе Материалов для Словаря Литературных Жанров, будут печататься в этом отделе „Вопросов Литературных Жанров”, данное, по своему своеобразию, выступает в качестве монографического исследования.

Таутасдзиезма (*tāutasdziesma* — буквально: народная песня, *lātviešu tāutasdziesmas* — латышские народные песни), ДАЙНА, ДАЙНЯ. Древний фольклорный жанр латышей, латышская народная песня, чаще четырехстрочная, живущая интенсивной жизнью и сегодня. Несмотря на то, что научный интерес к жанру проявлен более, чем 100 лет назад, научный термин до сих пор не устоялся. В *Поэтическом словаре* А. Квятковского (Москва 1966), в котором, по замечанию автора, речь идет не о терминах, а о фактах поэзии, латышская народная песня названа ДАЙНЯ (*dāiņa*). Встречается название идентично литовскому — ДАЙНА (*daina*). В современных работах латышской фольклористики принят термин *tāutasdziesma*¹.

Богатейшее собрание латышских народных песен осуществлено во второй половине XIX века представителями национального возрождения в Латвии, общественно-политического течения, которое боролось за сохранение и рас-

От Редакции

Редакция „Вопросов Литературных Жанров”, учитывая рост всеобщего заинтересования проблематикой теории письменного фольклора, публикует работу выдающегося советского специалиста Т. Я. Гринфельд из Ленинграда о латвийской народной песне „Таутасдзиезма”. Дальнейшие исследования из этой области будут печататься в нашем отделе Материалов для Словаря Литературных Жанров. Редакция считает, что эти исследования живо заинтересуют исследователей — фольклористов.

¹ А. Ozols, *Raksti folkloristikā*, Rīgā 1968; Я. Витол, *Латышская народная песня*, Москва 1966.

цвет национальной культуры. Кришьян Барон (1835-1923), литературный и культурный деятель, посвятил большую часть жизни собиранию, научной обработке и систематизации латышских народных песен. Подготовил публикацию выдающегося собрания латышских песен — *Латышские дайны*².

Ныне интенсивное изучение и запись вариантов латышских народных песен проводятся ежегодно в фольклорных экспедициях Высшими учебными заведениями и Академией Наук Латвийской ССР. Из общего числа 2682077 единиц фольклорного материала, который хранится в фондах Института этнографии и фольклора Академии Наук Латвийской ССР, 1098908 единиц составляют латышские народные песни.

Зарождение таутасдзиесмь учёные относят к седой древности латышского народа, к XI-XIII векам. Полагают, что большинство песен было сложено в эпоху между XIII-XVIII веками, когда латыши противостояли колонизаторским действиям немецких крестоносцев, утверждая своё национальное достоинство в народном творчестве. Завоеватели объявляли латышскую народную песню „низким жанром“. На самом деле песня — свидетельство духовного развития латышей от зарождения классового общества до образования латышской нации. На протяжении веков народная песня была почти единственной формой проявления народного таланта.

По содержанию и хронологической прикреплённости латышские народные песни можно систематизировать, как и народно-поэтическую лирику народов: таутасдзиесмь бывают трудовые, календарные, семейно-бытовые, обрядовые, хороводные, детские танцевальные, песни-состязания („опевальные“) и другие.

Латышская народная песня преимущественно крестьянская. Пожалуй, единственной „городской“ темой вторгается в неё Рига. Во всём же остальном проявляется крестьянское художественное мышление. Герой песен — народ, земледельцы. В тысячах вариантов песен закреплена память народа, весь мир крестьянина-латыша. Поэтизируется труд пахаря, жнеца, сеятеля, рыбака, пасечника. Воспеваются женские заботы и рукоделье. Крестьянский облик принимает даже солнце, поэтичный и гуманный образ, широко распространённый в латышском фольклоре. Живое доброе существо, оно трудится весь день, беспокоится об урожае, „греет сироточку“, прядёт пряжу, вяжет рукавицы. Мироздание, небо, светила, времена года, дождь и ветер, будни и праздник человека — всё, что наблюдает крестьянин от рождения до смерти, — обо всём он говорил песней. Законы и нормы морали, пороки и добродетель, добро и зло, сила народного духа, власть иноземца, горькая доля бедняка и редкое счастье труженика — талантливо перешли в песни. Они звучат грустно и жизнерадостно, победно и безнадежно — богатая гамма чувства заключена в мелодичных четверостишиях.

² *Latvju Dainas*, 1—6, 1894—1915.

По мнению некоторых исследователей лиризм и меланхолическое настроение латышской народной песни сверх меры заполняют душу крестьянина. Происходит же это оттого, что тяжёлое наследие векового рабства не могло не сказаться в национальном характере. Такое предположение высказывает, например, И. Янсон в предисловии к *Сборнику латышской литературы*³; втечение семи столетий латышский народ терпел крепостное рабство, и этот факт „не мог не искалечить и изранить народной психики ...” Но И. Янсон преувеличивал „меланхолию” латыша. Он недооценивал духовное здоровье народа, его волю к свободе и революционную энергию. Есть масса песен у латышей, которые не только лирически „баюкают”, но и взрываются ненавистью к господам. Латыш никогда не забывал сопротивляться угнетателям — духовно и физически. Отнюдь не созерцательная грусть видна, например, в четверостишии о „чёрном змее” в море, который мелет из пены морской. муку: „Та мука да будет хлебом для безмалостных господ!” Действительно, песни о баронской, господской мызе не отличаются жизнерадостностью. Паук в паутине — барон, песня „величает” его чортом, а мызу — адом. Но и духовной подавленности нет в этих песнях, они сопротивляются, „сухие и колючие, горькие и злые” (Я. Судрабкалн).

В песне отражаются отголоски социальных распрей внутри латышского общества давних времен, феодальных крестьян и „бояр” (bajāri). Обычно это иронические строфы или открытая сатира в адрес угнетателей, сатира как средство борьбы. Историки, путешественники, иноземные наблюдатели, изучавшие Прибалтику, говорили о склонности латышей к ироническому складу мышления. Особенно приметна, бурно развита эта черта в песнях Лиго — дня Яниса, которые приурочены к дню летнего солнцестояния 24-го июня. Лиго — наиболее популярный латышский народный праздник, сопровождающийся хороводами вокруг костров и пением разнообразных, весёлых, задорных, ироничных песен Лиго.

Под влиянием столетий песня претерпела, без сомнения, многие изменения „Удельный вес” народной песни в различных областях крестьянской жизни латышей за это время переменялся. Исчезли военные песни, уменьшилось число трудовых, уходят песни, в которых мир представлялся наивно, с языческими божествами. Но не сдаются времени песни лирические и песни Лиго, в которые вторгается современность в лирическом, шутовском или сатирическом преломлении. Лаконизм народной песни, её поэтическая подвижность позволяют ей быть очень уважаемым участником современной жизни латышей.

Латышская таутасдзиезма, как правило, представляет собой четверостишие с законченной афористической мыслью. Кришьян Барон писал, что латышским песням „некогда быть болтливо-многословными”, они сжаты, кратки. Метрическая структура их довольно постоянна. Чередуются 2 раз-

³ Петроград 1917.

мера: хорей и дактиль. Обилие хорсеев в дактилей в латышской поэзии неслучайно, оно происходит от иобенесстей языка. Латышскому языку свойственно фиксированное ударение на первом слоге, оно делает естественным в народной поэзии именно хорей и дактили. Правда, в конце XIX — начале XX века ямб был утверждён в своих поэтических правах в творчестве Яна Райниса, но для народной поэзии остаются попрежнему органичными, всё-таки, хорей и дактили.

Песенная строка распадается на 2 диподии по 2 стопы, с цезурой. Последний слог в четырёхслоговой диподии краток, трёхслоговой — долгий.

Ai Rundāle, moku muiža,	/-/- /-/-
Kaut tu būtu nogrimusi,	/-/- /-/-
Kaut tu būtu nogrimusi,	/-/- /-/-
Dzīlā elles dibenā!	-/- /-/-

Ах, Рундале, именье пыток,
Чтоб ты провалилось,
Что ты провалилось
На самое дно пекла!

(пер. подстрочный В. Бараускене)

Встречаются и только дактилические диподии:

Nēguļi, sāulīte,	/- - / - -
Abelū dārzā...	/- - / - -

Не спи, солнышко,
В яблоневом саду...

При всей своей чрезвычайно строгой организованности латышская народная песня очень разнообразна в ритме и интонационно богата. Благодаря самым прихотливым сочетаниям хорсеев с дактилями, долгих слогов с краткими она избегает монотонности.

Kur tecēsi, mēnestiņi,	Куда бежишь, месяц,
Ar to zvaigžņu pudurī?	Вместе со звёздочками?
Teku ceļu rādīdama	— Бегу дорогу указывать
Sērdienei naksniņā.	Сиротке в ночи.

(пер. В. Бараускене)

Метрическая схема этой песни отходит от „канона”, так как включает вместо ударных слогов долгие гласные и в последней строке — дактиль:

/-/- - / - / -
/-/- - / - / -
/-/- - / - / -
/- - - / - - -

Один из первых исследователей ритмики латышских народных песен, И. Спрогис, писал:

В основании стихотворного размера латышских песен, по свойству латышского языка, требующего ударения на первом слоге в каждом слове, лежит хорей и дактиль. Но тот и другой размер редко встречаются в их чистом виде, то есть так, чтобы известная песня состояла или из одного хорея, или одного дактиля; большей частью они бывают перемешаны в одной и той же песне, даже в одном и том же стихе. Так, каждый стих песни свободно читается по хорею, если он весь, или только частью, состоит из двухсложных или односложных слов; но чтение по этому размеру тотчас прекращается и переходит в дактиль, как скоро в стихе встречаются слова трёхсложные, четырёхсложные и т. д.⁴

Латышская народная песня почти всегда обходится без рифмы. Роль вифм в таутасдзиезме выполняют аллитерации, они как бы скрепляют строку рнутренними звуковыми связями:

Кас но алкшня лүкус плёса?
 Но балиня — милестибу?
 Но лепиняс лүкус плёса,
 Но маутеша — милюс вårdус.
 (транскрипция И. Спрогиса)

Кто с ольхи сдирает лыко?
 Как прожить любовью братней?
 Мы сдираем лыко с липы,
 Слов любовных ждём от милой.
 (пер. В. Брюсова)

На основе особенностей ритмической организации различают два вида мелодики песен: 1) *dziedamās dziesmas*, лирическая „напевная” мелодика, в большей части песен, и 2) *teicamās dziesmās* — песни декламационного, „сказываемого” типа. Обычно это песня наиболее древняя, обрядовая, колыбельная, пастушеская, иногда шуточная, ироническая, которую поют в „состязаниях”.

Из-за традиционного своеобразия песен, происходящего в значительной степени от свойств латышского языка, говорили, что перевод их на другие языки невозможен. Но в 1916 году первым талантливым переводчиком латышских народных песен стал В. Брюсов: он перевёл для *Сборника латышской литературы* 27 латышских песен. Переводы В. Брюсова точны в художественном образе, сохраняют идеальное соответствие подлиннику в ритме, передают „падающую” интонацию дактилической строчки. В. Брюсов, как правило, внимательно относился к народной изящной простоте лексики, к традиционным эпитетам.

Нориет сауле вакарā,	Канет солнце вечером
Искрит зелта лайвиня,	В золотую лодочку;
Узлец сауле ритыня,	Встанет утром солнышко,
Палиек лайва лигодāmā.	Лодочка качается.
(транскрипция И. Спрогиса)	(пер. В. Брюсова)

⁴ Предисловие к сборнику *Памятники латышского народного творчества*, Вильно 1868 г.

Легко переходит из подлинника в русский вариант песня под пером талантливого поэта. Широко употребительная, без каких либо специальных просторечных слов, лексика, простейшие конструкции предложений, эпитет, постоянный в латышском фольклоре (золотой конь, золотое поле, золотая коса и т. д.) — всё это не искажает национальных красок. Эффект подлинности усиливают уменьшительные и ласкательные суффиксы: „лодочка, солнышко”. Строки песни в латышском языке звучат удивительно слаженно, плавно, так как каждое слово в них совпадает с размером: двусложные слова — с хореем, трёхсложные с дактилем. И только последняя строка длиннее на один слог, она „выбивается” из общего ритма, как бы замедляя его. В переводе В. Брюсова 3 строки заканчиваются трёхсложными дактилическими словами: „вечером” (/ — —), „лодочку” (/ — —), „солнышко” (/ — —). Последняя строка „лодочка качается” теряет замедление латышского подлинника, но это мало заметно, так как все равно сохранено дактилическое окончание, определяющее плавную интонацию дайны.

Позже В. Брюсова к переводу латышских народных песен обращались успешно многие советские поэты, среди них — С. Маршак, А. Глоба. У каждого по-своему переводы „филигранные”. И всё-таки, на русский и иные языки перешло пока ничтожное количество песен. Богатство латышской народной художественной мысли в полной мере пока ещё не раскрыто другим народам. Латышская народная песня, таутасдзиезма, ещё ждёт своих переводчиков.

ПУБЛИКАЦИИ ЛАТЫШСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Из первых изданий:

1. И. Спрогис, *Памятники латышского народного творчества*, Вильно 1868 (1817 лат. нар. песен в русской транскрипции с переводом на русский язык).
2. *Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих*, издаваемый В. А. Дашковым, кн. II, Москва 1873 (1118 лат. нар. песен с переводом на русский язык).
3. *Материалы для этнографии латышского племени Витебской губ.*, собрал Э. А. Вольтер, ч. I, С.-Петербург 1890 (1010 лат. нар. песен с переводом на русский язык).

Из крупных изданий:

4. *Latvju Dainas*, Kr. Barons, I—VI, 1903—1915 (*Латышские дайны*, соб. Кришьян Барон...).
5. *Latvju tautas dainas*, red. prof. J. Endzelins, sazart. R. Klaustiņš, I—XII, 1928—1932 (*Латышские народные дайны*, ред. проф. Я. Эндзелинь, собр. Р. Клаустинь...).
6. *Tautas dziesmas*, P. Šmits, I—IV, 1936—1939 (*Народные песни П. Шмита...*, дополнение к *Латышским дайнам* Кр. Барона).
7. *Latviešu, tautas dziesmas*, Izlase, I—III, Rīgā 1955—1957 (*Латышские народные песни*, изд. Института языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР...).

TAUTASDZIESMA UN CHANT FOLKLORIQUE LETTONIEN

RESUMÉ

Le terme «tautasdziesma» (*lātviešu tāutasdziesmas*) employé dans le titre signifie textuellement «chant folklorique lettonien», autrement dit «dājna» ou «dājnia»; de même que la dajna (*dājna*), chant folklorique lithuanien, c'est le plus souvent un quatrain que l'on peut encore entendre de nos jours dans les campagnes lettoniennes.

Les origines de la tautasdziesma remontent à un passé très éloigné; selon les spécialistes, elle s'est formée aux XIe—XIIIe siècles, et elle s'est particulièrement développée au temps de la lutte de la nation lettonienne contre la colonisation teutonique. Ce chant est très diversifié; les folkloristes la divisent, à l'instar des autres chants folkloriques, en chant relié au travail, au calendrier, à la famille, au culte, à la vie des enfants (enfantine), à la danse, parfois elle chante quelque chose ou quelqu'un, etc. D'ordinaire elle reflète la vie rurale; en ce qui concerne les villes, seule Riga peut s'y trouver. Très souvent elle possède des traits satiriques, le thème de cette satire étant le plus souvent le boyard (un noble). C'est ainsi que le chant tautasdziesma reflète les anciens rapports féodaux. En principe, la tautasdziesma est construite régulièrement (malgré les plus diverses variantes thématiques) en ce sens que chaque quatrain est terminé par un vers à caractère aphoristique. La structure métrique est également régulière: les unités de rythme sont le trochée et le dactyle. Pratiquement, cette structure n'est pas souvent utilisée dans la poésie lettonienne étant donné l'accent de la langue lettonienne (sur la première syllabe), qui modèle de manière naturelle les trochées et les dactyles. Et bien que Jan Rajnis ait implanté le iambe dans la poésie lettonienne aux confins des XIXe et XXe siècles, la tautasdziesma n'a pas changé son mètre.

Traduit par Michał Michalak

TAUTASDZIESMA ŁOTEWSKA PIEŚŃ LUDOWA

STRESZCZENIE

Użyty w tytule termin „tautasdziesma” (*lātviešu tāutasdziesmas*) znaczy dosłownie „łotewska pieśń ludowa”, inaczej „dājna” lub „dājnia”, podobnie jak dajna (*dajna*), litewska pieśń ludowa, najczęściej czterowerszowa, występująca na wsi łotewskiej i współcześnie.

Początkami swymi sięga tautasdziesma dawnej przeszłości; zdaniem badaczy ukształtowała się ona w okresie XI—XIII w., rozwinęła się zaś szczególnie w czasach walki narodu łotewskiego z kolonizacją krzyżacką. Pieśń ta jest bardzo różnorodna; folklorysty dzielą ją, podobnie jak inne pieśni ludowe, na związaną z pracą, kalendarzową, rodzinną, obrzędową, dziecięcą, taneczną, opiewającą i in. Zazwyczaj odzwierciedla ona życie wiejskie, z miast natomiast występuje w niej wyłącznie Ryga. Bardzo często nacechowana jest satyrycznie, przy czym tematem ujęcia satyrycznego bywał najczęściej bojar (szlachcic). W ten sposób pieśń tautasdziesma odzwierciedlała dawne stosunki feudalne. Z zasady tautasdziesma zbudo-

wana jest regularnie (mimo rozlicznych odmian tematycznych) w tym sensie, że każdy czterowiersz zakończony jest wierszem o charakterze aforystycznym. Regularny jest również układ metryczny: jednostkami rytmicznymi są chorej i daktyl. Praktycznie układ ten nie ma zbyt częstego zastosowania w poezji łotewskiej ze względu na akcent języka łotewskiego (na pierwszej sylabie) w sposób naturalny kształtujący choreje i daktyle. I jakkolwiek Jan Rajnis na przełomie XIX i XX w. utwierdził jamb w poezji łotewskiej, tautasdziesma nie zmieniła swego metrum.

Jan Trzynadlowski